

С ЕСЕНИНЫМ Ганин познакомился в 1916 году, а значит восемь—девять лет их связывала личная и творческая дружба, причем, как знаем, очень тесная — через ту же Зинаиду Николаевну Райх, в частности и по воспоминаниям Минны Свирской, дружески знавшей их в период 1917—18 гг.

И тем более, дружба таких представителей новокрестьянской поэзии, — родственных между собою и мировоззренчески, и по отношению к самой конкретной России 20-х...

А между тем, не найти ни в есенинских строках упоминаний о Ганине, ганинской родине, встречах с поэтом, не говоря уже о каких-то прямых посвящениях Ганину — ни стихотворения; ни — в той же мере — у Ганина по отношению к Есенину. (Ганин упоминается в письмах Есенина — **Ред.**).

Да, безусловно, мы не знаем полностью и в первоизданном виде ни Есенина, ни Ганина. От наследия последнего, как отмечает Ст. Куняев, «не осталось почти ничего, кроме того, что было издано. Запуганные террором друзья и близкие расстрелянных избегали от писем, фотографий, дневников».

От чего-то мог забываться, возможно, и Есенин, получивший вест о ганинском аресте (2 ноября 1924 года), уже будучи в Баку (20 сентября), и оставившийся в «Персии» почти год — до лета 25-го, «вздымая» в первомайский праздник «первый свой бокал... за Совнарком», хоть третий все-таки он просто «выпил» (что куда естественней по лексике) «за то, чтоб не сгибалась в хрипе судьба крестьян».

Все может быть... и все равно не покидает ощущение чего-то не прочитанного вновь в давно прочитанном уже.

Да, можно снять, конечно, посвящения друг другу, можно вычеркнуть конкретные упоминания опять же друг о друге; можно уничтожить, наконец, и великом какие-то стихотворения, идущие от этой дружбы...

Да, все так... И тем не менее! Остался же целый

мир есенинский (и ничего в нем нет от Ганина?!). Да вот и ганинский вернулся к русскому читателю — пусть и урезанный, но целый мир (и ничего в нем от Есенина?!).

Никакого не представлять. Как нельзя представить без таких последствий, например, такие встречи — по воспоминаниям М. Свирской:

«...Получалось так, что обычно мы с Сергеем шли

ное, характерное, а значит — именно и только авторское. Это равнозначно узнаванию, к примеру, одного из неподписанных бы (предположим) Ганиным стихотворений — другим, подписанным его рукой и именем: «Мне гребень нашептал, что волосы редют...» (19-го года) и «Зубастый серп прошел по ниве зрелой...», написанным двумя—тремя годами ранее;

И хорошо, что не представлять. Более того, случайное ли, нет ли совпадения, но в этом сборнике помимо вышеуказанных имен и ганинское имя — и его стихи.

А как не сопоставить, например, есенинского «Небесного барабанщика» 18 года и следующие ганинские строки того же времени: «Братья, плотнее смыкайте ряды. Нам ли бояться холодной могилы...». И в «Барабанщике» тот же призыв: «Смыкайтесь же тесной стеною... Кто хочет свободы и братства, тому умирать нипочем...».

Или, как не сопоставить ганинский рассказ «Иван и Корова», опубликованный в журнале «Кооперация Севера» в 23 году, с есенинским поэмой «Пугачев» 21 года:

«...Только какая моя вина, что съехала моя корова? — рассуждал во сне, разговаривая с нею, ганинский герой. — Ну, шкуру я, справедливо, сдирал... Там разве это тебе обидно? Было же, скажем, у меня на стоящем крестьянском имяе «Иван Дементьев»... Ты понимаешь? Иван Дементьев. А теперь? Пропало... Остался один Ванчаха, да и тот с негожим, собачьим прозвищем... Вот и моркуй, ежели ты настоящая королева, кому обидней? Рази хрещеное имя шкуре чета?».

Не так ли рассуждает и Емельян Пугачев у Есенина: «...Каждый зверь любит шкуру свою и имя...?»

А уж откуда эти параллели? — то иной вопрос: У Ганина ли — от Есенина, наоборот ли, общей ли действительности русской или общего мировоззрения.

Как знать... Возможно, и то и другое и что-то еще. Но их дружеский спор — пусть сокровытый, такой вот невольный, быть может, — остался. И Ганин — в есенинских строках, незримых для ОГПУ, и Есенин, конечно же — в ганинских. Лишь бы смотреть нам еще и смотреть...

А «они нас догонят»...

Александр ШВЕЦОВ.
(При написании статьи использована книга «Алексей Ганин Стихотворения. Поэмы. Роман»).

„ОНИ НАС ДОГОНЯТ...“

впереди, а Зинаида с Алексеем сзади. Есенин всегда читал стихи, и свои и чужие. Читал свои новые стихи, которые еще не были опубликованы. Иногда раньше, чем начать читать какое-нибудь свое новое стихотворение, он шел долго молча.

Бывало, Ганин нас окликал. Он называл Сергея — Сергунька. Мы останавливались. Ждали, пока они подходили к нам. Ганин прочитывал строки своих стихотворений в разных вариантах, советуясь с Есениным. Между ними начинался спор. Зинаида часто высказывала свое мнение. Спор у них иногда затягивался, и мы уходили с Зинаидой вперед.

Помню, они один раз долго спорили о выражении «небо озвездилось». В дальнейшем, когда у них спор затягивался, Зина говорила: «Опять началось «озвездилось», давай пойдем, они нас догонят».

Иногда мы уходили далеко от них, и они нас не догоняли. Мы возвращались и заставляли их на том же месте — Ганин опершись на палку, а Есенин, глубоко засунув руки в карманы и поднимая плечи...».

Уж такова природа авторского слова, что оно вбирает и хранит в себе — невольно! — самое как раз характерное, личност-

где «И тише за окном... Тоскует солнышек о радостях Весны» — в первом, и «Вновь покой... Пастуший рог тоскует о Весне» — во втором;

«в холодном синеве... над стынущим ручьем» — в первом и «уж в поле холодно... и тонким льдом заискрится ручей» — во втором;

«и в сердце, как любовь, таится тихий плач» — в первом, «И грустно мне, — но грусть, как синь, прозрачна» — во втором;

«певучей желтизной» — в первом, и «в певучие зачатья» — во втором.

И точно так же иногда аналогичные — и смысловые и лексические — параллели говорят и о сопоставлении каких-то разных поэтических миров в возможной их взаимосвязи.

Как, к примеру, воспринять, представить сборник (лишь само его название уже) Матчеггофа и Есенина «Конница бурь» (1920 г.) без таких ганинских строк 16 года, как: «Буйным ветром к забытому дому я на Буре-коне прискакал и его же аналогичного образа, теперь уже во «множественно-числовом» воспроизведении, к тому же из большого полотно уже — поэмы Ганина «Священный клич» 17 года: «Уж Бурн-Копи мчатся, взвихрив гривы...?»